

#1

Маленькая Сплюшка не мертва: она просто принимает отпуск. Будильник звонит ровно в шесть, все должны проснуться. Ненавижу это, особенно в выходные, когда хочется побыть жалким, но впереди солнечный день, и я так рад, что у меня есть силы справиться со всеми трудностями на своем пути! Мы завтракаем перед телевизором: я и детки, маленькая Сплюшка немного грустит. Сегодня я включаю «Винни-Пуха», ее любимого. Можно было отказаться и не отдавать Сплюшку, но мне очень нужен тот фарфоровый Kestner* (35 сантиметров, спящие глазки, тело из композита), чтобы разобрать его на детали, а он стоит едва ли не больше нее. Решения, решения, решения. Вчера я вел с собой довольно грубый разговор, хотя нельзя ругаться при детях, а сегодня, как только закончился мультик, поцеловал Сплюшку в мягкий лобик и уложил в красивый пакет. От улыбки, милая, станет день светлей, перестанет плакать самый грустный... я не думаю, что это так. Просто ужасно боюсь. Год за годом все становится таким старым, старым, старым...

---

* Кукольная фабрика Иоганна Кестнера, прекратила существование в 1938-м году. — *Примеч. автора.*

В ожидании курьера пришлось убрать пакет в прихожую, чтобы не видеть больше свою совушку. Время пить обезболивающее и миорелаксанты. Детки пока посмотрят в окно, я тоже посмотрю в окно — а где там наша тетя? Всё, попрощайтесь с сестренкой, скоро у нас будет новый малыш. Как обычно, вместе с покупкой я кладу свою рекламу и небольшой подарок — конфетки или украшение, и пишу к своим деткам инструкции, ведь они такие разные и не могут ничего рассказать! Сплюшка боится спать одна, а еще она любит, когда ей поют песенки, и читают сказки, и баюкают ее на руках. Я делал все это каждый день, пока не получил заказ, но настало время расставаться, и я надеюсь, что Сплюшка будет счастлива со своей новой мамочкой.

Я оплачиваю доставку и трачу лишние деньги, потому что не могу делать это самостоятельно. Иногда моя подруга Люс помогает мне с чем-то, но я не хочу ее утомлять и все равно оплачиваю помощь деньгами или покупаю ей красивые вещи. Сегодня Люс не может ко мне прийти. Незнакомый человек с моим свертком в руках отправляется по адресу — до свиданья, милая, на тебе такое красивое платье, ты обязательно ей понравишься!

Кто следующий? А я знаю. Мистер Зай уже забронирован в «Инстаграме». Мистер Зай красавчик, он умеет говорить «Мамочка, я тебя люблю».

Мамочка, я тебя люблю. Ты помогаешь победить в моей битве. Я нахожу удовольствие во всей этой боли — таковая жизнь, которую ты дала мне, родная. У меня есть дружок, который сказал: «Когда твоя веревка заканчивается, хватайся за конец». Вот он, конец моей веревки. Как дела?..

Я стараюсь не думать о том, что спустя неделю маленькая Сплюшка надоест своей новой хозяйке.

Закончатся песенки, сказки и сон на одной подушке. Совушка покроется пылью в серванте, пока ее не стащит какая-нибудь племянница или соседская девочка. Сшитое для нее платье подойдет дутому целлулоидному пупсу, а сама она окажется в корзине среди голых Барби с отломанными ногами и деталей от «Лего», погружаясь все глубже и глубже, чтобы во время очередной уборки... Во время... Не могу. Вниз головой в черный мусорный мешок.

О, моя девочка!

Вниз головой. И в мешок, в мешок.

— Саша? Саша, плохо?

Мама. Мама... Ма-ма-ма-ма-а!..

В темноте все дома казались одинаковыми. Сбросив скорость, Северьян всматривался в покосившиеся заборы в надежде разглядеть табличку с номером или названием улицы — ни того, ни другого не попадалось. Хоть бы один фонарь, здоровенная деревня-то... Сколько уже объездил: и таких — со школой, сельторгом и погостом, и помельче — в три избы да память предков, — но повсюду, под каждой стрехой неизменно торчала тарелка спутникового телевидения, а за каждой печью сидела «сущность».

Есми, поправил он сам себя, что ты, ей-богу, как бабка старая...

Чаще всего выяснялось, что сущность — в головах у хозяев. В таких требах* Северьян отказывал. Можно было, конечно, совершить чин освящения и взять деньги, и ничего внутри бы не екнуло, однако репу-

---

* Треба — богослужебный обряд, который совершается по просьбе верующих. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

тация сама себя не создает. Если жильцы говорят, что слышат голоса и чувствуют чье-то враждебное присутствие, хотя никакой причины на то нет, то заниматься этим должен не он, отец Северьян, а специалисты иной квалификации.

Но на этот раз действительно *было*. Он почувствовал раньше, чем в свет фар вышагнул и замахал руками тот самый Вырыпаев-сын, который звонил ему насчет обряда.

Северьян свернул на обочину, остановил машину и заглушил двигатель. Темнота стусилась. Она пахла травой, и озером, и землей, остывающей после дневного зноя. Яростно стрекотали цикады. Прежде чем пожать протянутую ладонь, Северьян засмотрелся на звездное небо. Ладно, ни к чему здесь фонари...

— Вырыпаев, — повторил хозяин дома то, что он и так уже знал. — Сын.

На веранде вспыхнула лампа. Тут же появилась суетливая вырыпаевская мать: «Батюшка! Да вы проходите!». Нырнув на заднее сиденье, Северьян достал оттуда расшитую золотом епитрахиль*, надел ее на шею и солидно огладил ладонью. Самым щекотливым моментом было объяснить, почему он должен войти в дом один. «Хотите повидать своего мертвого супруга?» — не годилось. «Только он несколько изменился», — тоже не то. «Возможно, он попробует вас на вкус...»

Всякий раз приходилось импровизировать.

— Я проведу ритуал... — начал он и откашлялся. — Изгнания. Видеть его вам ни к чему. Пока

---

* Епитрахиль — принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа — длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

не разрешу, к дому не приближайтесь и в окна не заглядывайте.

Младший Вырыпаев сощурился так, что стал напоминать сушеный урюк.

— А вы нас, батюшка, тем временем... — Мать ткнула его локтем в бок, но жест эффекта не возымел. — Не обнесете?

Северьян вообразил, как он хватает с тумбочки старенький кинескопный телевизор и, путаясь в полах рясы, пытается пропихнуть его на улицу через форточку под вопли и тычки засевшего в доме Есми — когда б не Вырыпаевы, посмеялся бы. А так только растянул губы в смиренной улыбке и посмотрел на хозяина дома насколько сумел ласково.

— Ты, — будто дитяти неразумному, пояснил он Вырыпаеву, — помыслами своими не меня обижаешь, а беса ублажаешь. Есть охота — стереги свое добро, но бес, как меня увидит, от страха начнет по избе скакать и в тебя, маловерного, войдет. И уд твой после этого до самой смерти не встанет, — припечатал он для надежности.

— Господь, твоя воля... — охнула вырыпаевская мать и перекрестилась.

Вырыпаев сошел с лица и потупился, явно что-то обдумывая.

— А ты сам-то как, батюшка? Не боишься? — крикнул он, когда Северьян, решив, что разговор исчерпан, направился к дому. — Сам-то он как?.. — Это уже матери, потому что Северьян до ответа не снизошел.

— Да ему, чай, и не надо, — забубнила та. — А Такой молодой еще, видный, девки небось вьются... Тяжко, тяжело. Господь, твоя воля!

Девки... Тут с одной-то не знаешь, как разобраться.

Дом встретил его запахом плесени и тиканьем часов. Северьян прилежно разулся, поставил ботинки бок о бок и в одних носках прокрался в единственную большую комнату. Шкаф-горка с сервизом, иконы, вязаные крючком салфеточки. Из кухни погромыхивало. Северьян по очереди задернул все шторы, выволок в центр комнаты табурет и уселся на него, поджав ноги. Потер небритую щеку, достал из внутреннего кармана, подшитого к рясе, фляжку, приложился к горлышку, подозревая коньяк, но внутри оказался виски. Еще лучше. Северьян кашлянул — горло простудно саднило.

— Благословен Бог наш всегда!.. — заблажил он поставленным голосом.

Эти, снаружи, наверняка прислушивались. Хорошо бы соблюсти хотя бы видимость чиновосовершения.

— Хех, — крикнуло с кухни. Северьян не шелохнулся.

— Ныне и присно, и во веки веков, аминь!

— Дристно! — нахально заявил все тот же голос. Следом появился его обладатель — Северьян заметил краем глаза, но виду не подал. Совершенно голый Есми пришлепал в комнату и развалился на хозяйской кровати, паскудно выставив на обозрение Северьяна вялый член.

— Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, иже везде сый... — забормотал Северьян, едва удерживаясь от смеха. Есми швырнул в него подушкой, но промахнулся. Северьян повторно приложился к фляжке и поддал смирения: — и вся исполняй, сокровище Благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны...

— Говны! — всхлипнул Есми и обнаглел окончательно — подскочив с ложа, принялся исполнять

вокруг табурета, на котором невозмутимо восседал Северьян, довольно гадкий пасадобль.

— И очис... Очисти...

Есми скакал, выкидывая непристойные коленца. Северьяну стоило невероятного труда не замечать его кривляний: он из последних сил таращился прямо перед собой, но в конце концов не выдержал и расхохотался в голос. Есми замер в полупа и глядел на него с немым изумлением, как престарелый сатир, застигнутый с дудкой над столь же неюной девственницей.

— Эй, поп... Ты меня видишь?

Северьян утирал слезы. Есми присел перед ним на карачки и заглянул в лицо круглыми белесыми глазами. На его шею болталась петля с обрывком веревки.

— Видишь меня, что ли?

Вместе с осознанием этого к недоумершему Вырыпаеву-отцу вернулся стыд — метнувшись к кровати, он сдернул оттуда простыню и обмотал ею старческие чресла.

— Спасибо, — от души поблагодарил Северьян, усилием воли возвращая себе серьезность. — Так намного лучше.

— Да ты ж не поп. Ты вообще не человек. Кто ты такой?

Объяснять не хотелось — долго и муторно. И хозяева наверняка заждались.

— Я за тобой, — сказал он просто. — Сам пойдешь или уговорить?

— Только не бей. Пойду.

Окончательно присмирив, Есми скорчился в углу между шкафом и окном.

— Глянь сюда!

Северьян не сразу понял, что особенного он должен увидеть в растопыренной пятерне. Перстень этот дурацкий?

— Сноха, ведьма, со мной обвенчалась. Когда в гробу меня в лоб целовала, кольцо надела. Мне и себе. Теперь вот... При жизни от нее покоя не было, и после смерти, шалашовка, достала.

— Ой, да брось, — как от зубной боли, скривился Северьян и протянул руку ладонью вверх. — Давай его сюда.

Есми послушно начал стаскивать перстень с пальца. Тот поддавался туго, но все-таки шел. Едва заполучив вещицу, Северьян кинул ее в карман.

— Вот так. Делов-то.

— И все?

— Все. Пустое суеверие. Не бывает никаких ведьм.

Есми таращился на него как агнец, ведомый на закляние.

— Есть еще кое-что, — признался Северьян неохотно. Вырыпаев-отец не перебивал и продолжал смотреть этим своим щенячьим взглядом. Уж лучше бы кричал, матерился, голым бы прыгал... а он сидит. Смотрит. И не жилось тебе, мужик. Чего тебе, мужик, не жилось-то?..

— Ритуал.

Каждый раз за этот «ритуал» себя ненавидел. Знать бы, кто вообще придумал такое изуверство над полумертвыми — заставил бы он этого демиурга самого себя... отритуалить.

— Будет больно?

Да уж не щекотно, хотя кто вас, полумертвых, знает. Выглядит отвратно, а как оно там изнутри...

— Обезболю, — пообещал он и открыл стеклянную дверцу шкафа.

Чашки нашлись только сувенирные — размером с наперсток и расписанные пастушками. Судя по слою пыли, едва ли ими часто пользовались. Северьян взял

одну, дунул в нее, чтобы стала почище, и вылил остатки виски — хватило как раз до потертого золотого ободка. Достав из того же кармана мятый блистер, он вытряхнул в чашку одну таблетку. Пошипела, растворилась — и все.

— Залпом.

Есми цапнул чашку и поводел над ней бледным носом.

— Вискарь? Хоро-оший. Спасибо, не-поп. Лет десять вискаря не пил.

Пустая чашечка в его руке заметно подрагивала. Северьян подпернул рясу и тоже уселся на дощатый пол.

— И что теперь? — чуть слышно прошелестел Есми.

— Спать. — И для самого Северьяна слово звучало обещанием долгожданного отдыха, которого у него никогда не будет. — Крепко, спокойно и долго. Своим что-нибудь передать хочешь?

— Нинке скажи... Пусть самогон у Палыча не берет — отравится. Машину пусть продадут, за сколько смогут, а новую берут не белую. Ленку... — бормотал он сонно, но в окружающей глухой тишине каждый звук все равно слышался удивительно отчетливо. — Пашка не хотел Ленку насмерть резать. Напугать хотел только. Маню не найдут, утопла Маня. Вовка, что своих топором зарубил, тоже повесился, — ты ему помоги, он там ходит и ножом себя ковыряет, а помереть не может. Нинке еще передай, пусть не плачет и простит меня, дурака... Не сдержался. Трижды с нового года Натаху ёб... Грозилась все Нинке рассказать, у-у, шалашовка...

И снова Северьяна одолело вязкое, темное. Тащило в себя, будто в топь — смерть, смерть вокруг, многих не стало, многие сошли в могилу. Все мы там будем.

Скотдохнет, рыбы уснули, раки перешептались. Будущие мертвецы стоят сейчас за дверью, Господи, ждут, пока еще один помрет, чтобы вернуться, пить и есть, Господи. Несусветно хочется встать и выйти. Все, чего хочу я — встать и выйти, потому что нет здесь никакого смысла, Господи. Нет его ни во мне, ни вовне.

А хотя... Ладно.

Можно ныть и причитать хоть до морковкиного заговенья, но ритуал за тебя никто не проведет. Есми очухается, и все придется начинать заново. Скажи спасибо, что он смиренный.

Выругав себя для бодрости, Северьян придвинулся к сомлевшему Есми и положил ладони на его лицо. Мерзкий, мерзкий ритуал.

— Со духи праведных скончавшихся, душу раба Твоего, Спасе, упокой... — прошептал он и вскрикнул — щеку будто ошпарило.

Внезапно очнувшийся Есми выставил руку, длинные ногти чиркнули Северьяна по лицу. Вдобавок он дергался и бил пятками об пол. Северьян навалился всем телом, стараясь не смотреть в широко раззявленный, с пеньками гнилых зубов рот.

— Куделька! — выпросталось оттуда зловонно и хрипло. — Кудельке! Ку!..

Всего мгновение, но до чего отвратительное, гори оно в огне дьявольском... Вырыпаев-отец опочил в муках. Раз на раз не приходится. Ку, чтоб тебя, ку. Ноги как ватные, самого трясет. Северьян отыскал умывальник, трижды намыливал руки и тер, будто хотел содрать кожу. Приоткрыл холодильник — у хорошей хозяйки всегда найдется... Знать бы еще, хлебная это слеза или ядреная сивуха Палыча. А вообще все равно.

В дверь неуверенно постучали. Хозяева... Северьян и думать о них забыл.

— Можно, — рявкнул он, выходя в прихожую.

Первой сунулась и сразу включила свет вырыпаевская мать. Следом втекли сам, теперь уже единственный, Вырыпаев и дородная дама с реденькими от завивки волосами — сноха Наталья, догадался Северьян и поневоле вперился взглядом в ее пухлые пальцы: кольцо было. Как есть ведьма.

— А что это у вас, батюшка.. Тут вот, — ойкнула хозяйка. И пока Вырыпаев придирчиво осматривал жилище, а его супруга не сводила с «видного» священника заинтересованных глаз, она собиралась с духом, чтобы задать самый важный вопрос. Северьян не торопился, потому что знал, что обычно следует за ответом.

Он покосился на свое отражение в зеркальной створке шкафа — четыре длинных царапины на щеке вспухли и кровоточили.

— Отец Северьян, вы с ним говорили?.. Это правда он? Пашенька мой?

Его приглашали не просто так. И не просто так платили за обряд освящения дома много больше, чем взял бы кто-то другой. Мирились и с ночным рабочим графиком странного батюшки, и с его просьбой об уединении, которая прямо-таки кричала о том, что он шарлатан — но шарлатаном он не был. Приученные к наивным телевизионным шоу, люди хотели в последний раз услышать своих мертвых.

— Вас зовут Нина?

Издав звук, похожий на крик раненой выпи, хозяйка привалилась спиной к дверному косяку, спрятала лицо в ладонях и заголосила. Сноха одарила ее взглядом, полным усталости.

— На кухню пойдёте, — бросила она Северьяну и, проходя мимо, задела его плечом. — Скоро отпустит.

И без того не слишком ярое возмущение подобной холодностью окончательно покинуло Северьяна, как только на клетчатой скатерти появилось блюдо с пирожками (там грибы, тут капуста), кувшин ледяного кваса (с медом и хреном, прабабкин рецепт), молодая отварная картошечка, щедро присыпанная укропом, нежно поблескивающие маслом лисички, красноперые окуньки в лимонах и с набитыми гречкой брющками (муж наловил, у нас тут все свое) и наконец огромная влажная бутылка, прямо тут же и откупоренная.

— Тяжело вам, должно быть, батюшка, — бархатисто улыбнулась сноха, подсев к столу. Разлила на двоих. Чокнулись.

— По силам.

— И что, прямо так их и видите?

— Не хуже, чем вас сейчас, — ответил Северьян и взгляделся в ее клеклое, прежде времени постаревшее лицо. — Спрошу — ответят, а не спрошу — сами расскажут. Им, мертвым, от чужих секретов одна тяжесть. Как и живым.

Но у той от его слов, по всему видно, ничего внутри не дрогнуло.

— Имя у вас до чего красивое, — гнула свое проклятая баба, подперев кулаком румяную щеку. — Северьян. Я б Северьяшей звала.

От тягучего говора Натальи, неприкрытого ее интереса и водки Северьян затосковал окончательно. Так крепко, что отвернулся, не желая видеть ни тетки этой, ни щедрой закуски. В окне ярким бликом отражалась лампа. Он смотрел на это пятно, не моргая, до рези в глазах, а Наталья все пришептывала:

— И пахнет-то от вас благодатно... То ли ладан, то ли чего. Как же вы поедете выпимши? А то оста-

вайтесь, место найдется. Дайте-ка я вам йод достану, царапину прижечь надо...

— Не надо, — перебил он и попытался испепелить Наталью взглядом, но вместо ее одутловатой физиономии перед глазами все еще стояло алое пятно лампы. — И кольцо сними. Не придет он к тебе. Нет его.

Румянец живописно сполз с ее лица на шею и плечи, пережатые бретельками сарафана. К счастью, договаривать не пришлось, — в кухне появился Вырыпаев. Он вошел, поддерживая всхлипывающую мать, усадил ее за стол и сел рядом. Из его рук переключало в руки Северьяна несколько купюр. Повторно выпили, теперь уже не чокаясь. Слова покойного про самогон и белую машину, произнесенные как-то побудничному, пришлось повторять по многу раз. Когда припомнили и зарезанную Ленку, и соседскую девочку Маню, которая пропала еще в апреле, и то, как алкаш Вовка годами гонялся за женой и сыном по деревне с топором, но никто не придавал тому значения, Северьян решил, что настало время прощаться.

Вырыпаев увязался следом. Прежде, чем выйти на крыльцо, он быстро глянул на мать, и та ответила едва заметным кивком. Видно, была у них к бабушке еще одна треба. «Хорошая ночь», — думал Северьян, шагая к машине по влажной тропинке. Вырыпаев прикурил папиросу — потянуло дымом и жженой спичкой. Где-то в лесу, за деревней, заливался трелями соловей. Да, людишки так себе, а ночь хорошая...

— Отец Северьян, — робко заговорил Вырыпаев. От бывшего недоверия в нем явно ничего не осталось. — Очень вы нас сегодня выручили. Еще бы соседям помочь... Любые деньги отдадут. С дочкой беда.

Сняв епитрахиль, Северьян перекинул ее через локоть, сложил руки на груди и кивнул — мол, излагай.

— Руденки, Толян и Катя. Здесь не живут, только на лето к бабке своей приезжают. Сейчас они в городе, дочку лечат. Девять лет малой. Бес в нее вселился.

Северьян не сдержался и насмешливо вздернул бровь.

— Так-таки и бес?

— Бес! — повторил Вырыпаев и жутковато вытаращил глаза. С каждым словом из его рта вылетали брызги слюны. — Увидела, как дружок ее насмерть удушился, и началось. У них, сучат, это «собачий кайф» называется. Когда они друг друга...

— Знаю, — оборвал его Северьян и нахмурился: вспомнилось свое, крепко уже позабытое. — Что началось-то?

— Ну... Отрыжка эта. И голос. Чужой голос из нее идет. Как будто что-то наружу лезет да застряло. Мы ей говорим — не рыгай, терпи. А она, или не она, а бес этот поганый, матами кроет, каких никто из нас не слышал, и говорит, что она его, дескать... проглотила.

Северьян стоял, глядя во тьму. Пальцы Вырыпаева стиснули рукав его рясы.

— Верую я, батюшка. Не она это стала, не девочка. Как увидел — враз уверовал. Пить бросил, баб... к причастию хожу, богу молюсь. И вам сегодня поверил, потому что знаю, каково оно бывает. В желудке, говорит, держит меня. И показывает, где, а у самой слезы так и текут... Вы б ее только видели. Ребенок — ну не врет же она. К врачам водили, и в храм на отчитку: семеро мужиков еле-еле удержали — царапалась, выла, батюшке в лицо харкнула... Устала, а сдюжить себя не может. Стоишь рядом, смотришь — и нутром

чуешь, что эта сила — есть она. И страшно до усрачки. К экзорцисту возили в Стерлитамак... Не уйду, говорит бес, малая меня внутри держит. Держит его!

— Но я — не экзорцист...

Что, Северьяшка, струсил? Одно дело — Есми с лица на изнанку гонять, другое — одержимая девочка... Не лезь ты в это, двоедушник. Фальшивый поп и поддельный человек. Взял деньги — уезжай. Дома Вика — россыпь веснушек, тапочки, точка пирсинга над верхней губой... Войти, не включая свет, скинуть с себя маскарад, схватить ее, обнять, горячую со сна — завозится, попробует отвертеться, но нет уж, нет-нет, нынче помыслы мои грязны... Чувство вины притупляется, когда носишь его в себе годами. По крайней мере, сейчас оно мучило гораздо меньше, чем первое время, когда Вика твердила про измену и то, что лучше бы нашла себе кого-нибудь совсем другого. Но не искала. Била его, жалела, отдавалась. Говорила: «Я представляю, что ты — это он». Засело занозой... Так он и не знал, стал ли для нее собой и кого она зовет на самом деле, когда произносит его имя.

— Отец Северьян... — подал голос Вырыпаев. И снова выросли вокруг черные избы за косыми заборами да столбы, похожие на могильные кресты. Похолодало, что ли? Нет, просто озноб.

— Я не могу ничего обещать, но съезжу к этим вашим Руденкам.

— Руденко.

— Да-да. Завтра ночью. Другого времени не будет.

На самом деле он просто боялся передумать. А если б знал, если имел бы силы истолковать последние слова убитого Есми — передумал бы прямо сейчас.

Но будущего вторые души не прозревают.